

Илья Резник:

ЕСТЬ

«МОЗГОВЫЕ»

ПОЭТЫ, А ЕСТЬ

«СЕРДЕЧНЫЕ»

СЕГОДНЯ ТРУДНО СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ НАШУ ЭСТРАДУ, ДА И ВООБЩЕ НАШУ ЖИЗНЬ БЕЗ «МАЭСТРО», «СТАРИННЫХ ЧАСОВ», «ВЕРНИСАЖА» И МНОГИХ, МНОГИХ ДРУГИХ ПЕСЕН, КОТОРЫЕ, КАК БРИЛЛИАНТЫ В САМОЙ ЛУЧШЕЙ ОГРАНКЕ — А ЭТО ИХ ИСПОЛНЕНИЕ, — СВЕРКАЮТ ДО СИХ ПОР И, КАК ХОРОШЕЕ ВИНО, НЕ СТАРЕЮТ.

Мы встречаемся в загородном доме, а по современным меркам, домике, да и то снимаем семьей Резника. А семья — это Илья Рахмиэлевич, его жена Ирина и три домашних: две очаровательные дворняжки, подобранные и выхоженные хозяевами, и кошка аристократических кровей. Резник, как всегда, в элегантном костюме и с галстуком. Он только что приехал из бассейна, где проплыл, по его признанию, немного, всего 700 метров, обычно это два километра. Но это еще не все. Трудно себе представить, что такой импозантный и барственный Резник всегда сам за рулем, да еще, оказывается, лихой водитель, просто экстремал.

Илья Рахмизевич, в одном из интервью я прочла о том, что у вас случались некие провидческие вещи. А знаки судьбы у вас были?

Никаких знаков судьбы не было. Да и подобные вещи происходили редко. Однажды, действительно, был удивительный случай. Я сидел с сыном в кафе. К нам подошел мужчина из-за соседнего столика и сказал: «Я журналист, вас знаю и т.д.» — и вдруг я ему ни с того ни с сего говорю: «Вы из Сибири?» Он: «Да-а!» — «На Байкале живете?» — «Да-а-а!» — «Село Листвянка?» Он просто ошалел. Я же выступил как Мессинг. Как это получилось, сам не знаю. Телепатические истории происходили у нас с Аллой два или три раза. Как-то, много лет назад, когда мы болели за Каспарова, а он играл с Карповым, мы пришли к нему в гостиницу «Россия», чтобы поддержать (он уже проиграл со счетом 0:4). И, уходя, я сказал: «Ну, давай, Гарик, делай 40 ничьих». На следующий день Кампоманес оста-

«ЕСЛИ ЕСТЬ СОТВОРЧЕСТВО, ТО ДОЛЖНА БЫТЬ И ДРУЖБА»

новил игру именно при 40 ничьих. Правда, в книге это предсказание я отдал Алле, но вот теперь хочу, чтобы истина восторжествовала (*смеется*). Я теперь вообще всю правду говорю. Например, мало кто знает, что в нашем гимне две первые строчки и последние мои. Я ведь тоже участвовал в этом конкурсе.

А как же так получилось?!

Компилировали, потому что первый вариант у Сергея Владимировича (Михалкова) был ужасающий. Писали многие авторы. Я вышел в финал, уже даже за основу взяли мой вариант. А потом сложилось вот так, сами знаете почему (*улыбается*)... Я сейчас смотрю свои черновики: «Россия, священная наша держава» и «Славься, страна, мы гордимся тобой»... Но гимн все равно деревянный получился. Никто же не поет. «Одна ты на свете, одна ты такая...» и т.д.

Что вы считаете своими главными жизненными, творческими победами?

Например, то, что на моем концерте, на поэтическом вечере вставали люди и читали стихи, посвященные мне. Или когда подходит рабочий с огромными руками и говорит «спасибо», или любовь детей... Наверное, это и есть народное признание. А критики не знаю, когда меня примут, как и поэты, которые мне завидуют и ненавидят. Но получается-то, что вот так...

Но вы уже, я думаю, можете не обращать внимания на них и, тем паче, не общаться?

Конечно! Я счастлив, что не зависю ни от кого, никогда не боюсь. Надо избегать людей, которые отнимают энергию, вампируют. Я очень многих допускал до сердца и помогал, а они предавали. Поэтому надо уже, навер-

ное, уметь закрываться, а не открываться. К счастью, есть те, с кем можно быть абсолютно открытым, и они не имеют ни к искусству, ни к творческим профессиям, ни к материальным ценностям никакого отношения. Это интеллигентные люди, с которыми мы встречаемся просто так, без дела, чтобы приятно провести время. Которые звонят после чего-то, дают оценку, говорят добрые слова и добавляют настроения.

А вы сами часто хвалите, звоните с этим?

Да, я могу позвонить и сказать хорошие слова даже людям, с которыми не общался. Например, Симон Осиашвили мне никогда не нравился. Но когда Алла спела его «Одуванчики» — просто замечательные стихи, — я громко сказал об этом и еще позвонил ему. Что касается глобальных побед... У меня в жизни все «степ бай степ» происходило, очень медленно, не было такого: «А! Победил!»

Но первый громкий успех?

А его не было. Ну, кто-то отметил или заметил, что Резник написал «Золушку», «Толстого Карлсона». Но это воспринималось так... несерьезно. Наш успех не считался. Мы же не были членами Союза писателей. Была писательская мафия, композиторская. Нас же, не принадлежащих к ним, все время затирали, микшировали. А официальный успех... В 1975 году с «Яблонями в цвету» мы выиграли «Братиславскую лиру». Это была первая в Советском Союзе международная премия. В 1976 году я получил серебряную Лиру, в 1977 — бронзовую, в 1986 — за «Вернисаж» — опять золотую. Но это тоже мало кто знал. Дело в том, что я никогда не пиарился, не лез на камеру. Как режиссер должен умереть в актере, так и я умирал в своих исполнителях. Так что никакого «взрыва» у меня не было.

Вы окончили ЛГИТМиК, даже работали в репертуарном театре в Питере. Не жалели, что не сложилось с актерской профессией?

Нет. Во-первых, потому что не считал себя великим артистом.

А ведь Иракий Андроников говорил вам, что все будет хорошо...

Да, он был моим вдохновителем. Благодаря Иракию Луарсабовичу я не потерял веру в себя и все-таки поступил в театральный институт. Энное время назад я был в Питере у моего профессора Корогодского, ныне покойного, и он сказал, что лучше меня никто не играл Дорна (доктор в «Чайке» Чехова). Потом это еще подтвердил с экрана Лева Прыгунов в передаче у Андрея Урганта. А тогда-то мне этого не говорили. Нужно было время, чтобы Лева посмотрел двадцать «Чаяк» во всем мире (*смеется*). Но я думаю, что просто совпали индивидуальности — моя и персонажа.

Сейчас вы театр любите как зритель?

В последнее время у меня было несколько попыток сходить в театр, и я попадал на неудачные спектакли. Не только на драматические, но и на балет. Безусловно, есть замечательные спектакли, как и актеры — и старшего поколения, и младшего, такие как Алексей Петренко, Женя Миронов... А какой замечательный Машков в «Ликвидации»! Работу Евгения Князева, игравшего

1**2****3**

«В МОЕЙ ПРОФЕССИИ НУЖНО ОЧАРОВЫВАТЬСЯ»

1. Илья Резник с Раймондом Паулсом и Аллой Пугачевой, 1980 г.
2. Кинопробы на роль «железного» Феликса, 1966 г.
3. Илья — председатель совета отряда школы.
4. И в молодости Илья был импозантным красавцем, 1960-е гг.
5. Илья в раннем детстве, 1941 г.

4**5**

*Он всегда
элегантен:
в городе, на природе,
летом и зимой, как
в костюме, так
и в джемпере — по его
мнению, только так
и должен выглядеть
настоящий поэт*

главную роль в фильме о Мессинге, иначе как выдающейся назвать не могу. Был потрясен! Так что есть, есть... Вот только, к сожалению, не вижу сейчас таких актеров, как Гриценко, Симонов, Качалов, Черкасов, Борис Ливанов, Стрельчик — из разряда Пола Скофилда, когда при них все: и голос, и статья... Хотя были совсем другие актеры, но тоже со своей невероятной харизмой. Как Олег Ефремов. Кстати, я сейчас вспоминаю, как Ефремов приходил на мои творческие вечера, Сашка Абдулов приходил... Я помню, как Алексей Баталов сказал, что «Вернисаж» — песня с юмором и ее нельзя петь серьезно. А ведь это мало кто чувствовал.

Что должно быть в женщине, чтобы вы его восхищались, употребили ваши самые лучшие слова?

Прежде всего женственность. А это какие-то неуловимые флюиды, запахи, грациозность, голос, шелковистость волос, ощущение кожи... Это все важно. И конечно же, женщина должна быть доброй. Вот Ирина (жена) очень добрая (*улыбается*). Хотя доброта губит мир. Говорят, ни одно доброе дело не остается безнаказанным, потому что мы доверяемся, а в результате получаем... Вот, например, сейчас мы в Интернете прочитали, что очень бедствует семья Виктора Сосноры, питерского поэта, а в свое время вот они меня не приняли в Союз писателей. Но, несмотря на это и на то, что у нас сейчас мало денег, мы послали приличную сумму. И ни привета, ни ответа. У меня есть такие стихи: «Сделал доброе дело — не жди благодарности. В темном зале пустом сам себе аплодируй!» Но даже не «спасибо», хотя бы отзвук, что получили, приняли ваше добро. А то как об стенку. Может быть, там родственники все разворовали, откуда же мы знаем...

А отчего все это? Вот такая неблагодарность, равнодушие — это приметы сегодняшнего времени, более прагматичного, жесткого, меркантильного или так было всегда?

Вообще-то соотношение негодяев и порядочных людей, палачей и жертв, авантюристов и добродетелей (вот какое слово придумал!) всегда одинаковое, но все равно сейчас мир коммерциализирован. Наше поколение, конечно, было романтическим. Мы никогда не думали о том, сколько нам заплатят за стихи, за песню и т.д. Для нас всегда было радостью, когда что-то звучало, кто-то слушал твои стихи. Сейчас благотворительной деятельностью в действительности мало кто занимается. Вот Чулпан Хаматова реально это делает. Мы с Ирой тоже помогаем как можем. Каждый год проводим концерт в Кремлевском дворце «Служить России» для кадетов, для детей военных, погибших при исполнении служебных обязанностей, для детдомовцев. Я хожу с протянутой рукой, собираю спонсорские деньги, чтобы оплатить этот трехчасовой грандиозный концерт. Последний раз спонсор меня подвел, пришлось самому вкладывать 70 тысяч долларов, а певицы, которым ты пишешь, за то, чтобы выступить здесь, тоже просят то 20 тысяч, то 15.

Ну, а как же зарабатываете на жизнь? То там песню дарите, то тут благотворительностью занимаетесь...

Вот квартиру продал. На эти деньги мы жили года полтора, и нужно было еще своим детям помочь. Но я не бизнесмен.

Недавно слышала, как молодой певец с «Фабрики звезд» в одной из передач разговорного жанра, когда его ведущий попросил спеть, ответил, что у него принцип: он поет только в студии или за деньги.

Хороший принцип! Это как композитор Ханок, который приходит на день рождения, причем без спроса, с пустыми руками. А у меня, говорит, принцип: я и на банкеты хожу — ничего не приношу. Ужасно! Если меня за день приглашают, значит, я должен ночью написать поэму. Ну и обязательно подарок, цветы... Правда, уже не всегда хочется ходить туда, куда зовут. Все же ждут, что я буду поздравлять, свои стихи читать. Стал свадебным генералом. **Тем не менее вокруг вас есть люди, которые остались такими же, какими были, несмотря на время, — та же Алла... А с другой стороны, столько примеров, когда люди меняются за какое-то время...**

Власть меняет. Деньги меняют. И многие сильно меняются. Но, действительно, есть такие, к которым ничего не прилипает. Во-первых, Алла. Но это вообще особая статья. При этом кто-то считает ее, например, жесткой. И она может быть такой. Но для меня — нет. Хотя это у нее есть в ха-

«МОТИВ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ. ГЛАВНОЕ — РЕЗУЛЬТАТ»

рактере, и иногда она отрывалась, так сказать, на своих. Но по своей сути она, конечно, очень добрый человек, наполненный, искренний. Алла — уникальное явление! Ни в одной стране нет человека, имя которого бы в течение 25 лет не сходило со страниц газет и журналов. Чтобы народ интересовался всем: что она делает на сцене и в жизни, куда она поехала, во что была одета, кого ругала, с кем обнималась, с кем дружит и что говорит? А мне Алла просто как сестра. Раньше мы еще были очень «застольными» людьми: любили хорошо посидеть, поесть, выпить — а это все вредно для здоровья. Но это было замечательно! **Это совсем прекратилось?**

Сейчас я с Аллой редко встречаюсь. У нее же Максим теперь с утра до вечера (*улыбается*). В праздники — да. Вот на день рождения она ко мне пришла, хотя всего было двенадцать человек.

Алла пятнадцать лет не пела мою песню «А ты не знал...» и вдруг сейчас вспомнила... У нее такой репертуар, такой багаж, что можно постоянно вынимать что-то и подавать как новое. А где те песни, которые были созданы пять лет назад, три? Хотя одна из них живет? Все умерли. Пока они звучат на экране — оплачено не оплачено, они есть, прекратили показывать — их нет. А наши песни по 25-30 лет живут, моей «Золушке» 40 лет.

Так что, по-вашему, таланты исчезли или гонят халтуру? Ну, а что такое халтура? Если не дано Богом... Раньше были мелодии, а сейчас их нет, и это прикрывают на-

крученными аранжировками и т.д. Нет исполнителей-личностей. Кстати, на программе «Две звезды» многие молодые «заиграли» по-другому, потому что им было что петь. Но на концерте у Аллы все, кто исполнял наши песни, были хуже нее. Ничего с этим не поделаешь. Дело в личности. Алла — это театр одной певицы, одной актрисы. Есть Жванецкий. Это театр одного писателя, человека со своей неповторимой интонацией. В театре, в кино может быть несколько таких имен. А отсутствие личностей вызвано, в свою очередь, всеядностью и форматом каналов. Живого почти не осталось. Да еще по пять лет поют одну и ту же убогую песню. Ну не пожалейте денег, закажите большим авторам стихи, музыку. Нет, мы сами или что-то подешевле. А сами-то просят дай Бог. Хотя мы читали, что и на Западе миллиардеры по пять центов сдачу берут. Но мне это несимпатично. Хотя сейчас говорят не «скупой», не «скряга», а «эко-ном-ный».

А что вы думаете по поводу огромного количества графоманов-стихоплетов, непрофессионалов? Вы можете человеку честно сказать, если он спрашивает ваше мнение, что стихи не очень хорошие?

Нет, не могу. Я бы многим сказал, и это была бы великая правда, но я не могу делать больно людям. Вот почему я не люблю злые эпиграммы. Это все равно что хрому сказать, что он хромым, а сопливому — что сопливый. У меня рука не поднимется на оскорбительную эпиграмму. Я могу выдать: «Как страус, важен и высок, ходил ты, но беда случилась. Ты спрятал голову в песок, и нам лицо твое открылось». Но это, я считаю, изящно (*улыбается*). Я всегда тянулся к людям светлым, чистым, добрым. К сожалению, многие из них уже ушли. Ушел, да еще безвременно, Гриша Горин, чистый ранимый человек. Не так давно ушел Александр Моисеевич Володин, трогательный, нежный, добрейший... Мой любимый человек. У меня в книге есть посвящение Александру Моисеевичу: «Я не хочу сказать: он моден — он просто нам необходим, такой застенчивый Володин, он и не может быть другим». Я еще в студенческом театре ставил его «Фабричную девчонку», тогда мы с ним подружились, и с тех пор он ко мне очень тепло относился. А ведь это так важно, когда к тебе относятся с теплотой, с любовью. Да еще такие люди. Папанов ко мне тепло относился, Куравлев и, конечно же, Иракий Луарсабович Андроников.

А что вас сегодня удивляет, радует в людях, какие поступки, что становится неожиданностью?

Да открытий особых нет, не могу похвастаться. Например, для меня дружба во многом понятие производственное. Если есть сотворчество, то должна быть и дружба. И она бывает крепче, чем с родственниками. Есть взаимное духовное проникновение, и результат получается, потому что мы говорим на одном языке. А сегодня часто говорят, что дружеские отношения и деловые не пересекаются, что нельзя дружбу смешивать с работой... Мне это непонятно. Для меня, если я работаю с человеком, невозможно молчать. Невозможно от него скрывать что-то. Я тогда отрекаюсь. Я люблю простых людей, с которыми легко общаться. Мне не нравится снобизм, когда себя считают самыми великими. Если

мы работаем вместе и я увлечен, поглощен этим делом, то могу и в три часа ночи позвонить и согласовать или пропеть что-то. Художнику Игорю Каменеву я ночью читал молитвы, и он, к моему удивлению, их записал. И это просто провидение. Есть композиторы, с которыми я никогда не буду работать. Может быть, они талантливы, но в силу их характеров, их сущности я интуитивно чувствую, что не будет контакта. Вот с Раймондом мы опять вместе, только что прислал мне детские песни, и я буду из латышских делать российские детские. Кстати, полгода назад Энтин сказал по телевидению: «Я последний детский писатель», а я ему ответил, что первый (*смеется*). Я не могу с соавтором или исполнителем работать, если он чем-то все время занят или непунктуален. Я терпеть не могу расхлябанности. Лет десять назад одна известная певица захотела со мной сотрудничать. Я приехал с композитором на встречу, пятнадцать минут ее нет, тридцать, сорок — я взял и ушел. Она приехала через час и была обескуражена тем, что я ушел. Ей опоздание казалось нормой. А я считаю, что это неуважение. И это значит, что она и дальше так будет работать. Но в моей профессии нужно обязательно очаровываться. Очаровываться исполнителем. Соавтором. Если этого не происходит, у тебя ничего не получается. Но после очарования бывает и разочарование. Вот беда какая (*смеется*)! Замкнутый круг, от этого никуда не денешься.

А вы себя считаете физиономистом?

Да, несмотря на то что очаровываюсь и разочаровываюсь, я отличаю людей. Знаю, что с этим никогда не буду дружить, а с этим можно. Какая-то осторожность появилась. Может быть, это называется флюидами или «совпадением аур», но с одним человеком тебе комфортно, а с другим — нет. Вы же чувствуете, когда на вас смотрят. Вот мы с Аллой и Ирой на концерте месяца полтора назад сидели в первом ряду. И у нас — у всех троих — после этого страшно разболелась голова, потому что на наши затылки смотрели остальные пять тысяч человек. Но все это не головой понимаешь, а ощущаешь где-то на уровне груди, бывает, даже кашлять начинаешь.

Вас не раз приглашали в жюри «Ледникового периода», и меня, как всегда, поражало ваше умение искренне восхищаться...

Я восхищаюсь этим проектом. Илья Авербух и Саша Жулин — суперталантливые люди. Я восторгаюсь и спортсменами, и непрофессионалами. Леша Ягудин замечательный, очень трепетный, безумно талантливый. Прекрасная Алена Бабенко, которая, кстати, исполняла мою песню в фильме «Карнавальная ночь — 2» — я специально для нее писал. Многие удивляют и радуют... Но главное, что этот синтез профессионалов и самостоятельных спортсменов дает потрясающие эмоции, которые я, за редким исключением, не испытывал на спортивных соревнованиях. Помню потрясение от «Кумпарситы» Пахомовой — Горшкова, или от появления Плющенко, или от номеров Игоря Бобринина... А здесь другой характер соревнований: не спортивный, а эмоциональный, актерский. Люди состязаются в творчестве, а не в спорте. И иногда это бывает до слез трогательно.

1

2

3

1. Илья Резник с Аллой Пугачевой.
2. С Лаймой Вайкуле.
3. Владимир Владимирович Путин — один из поклонников творчества Ильи Резника

Вы верите в искренность мотивов участия непрофессионалов, в то, что это не голый пиар? Их часто упрекают в этом...

Мотив не имеет никакого значения. Главное — результат. Баху заказывали сочинения за деньги. И он писал свои гениальные fugi. Кому какое дело, заплатят тебе пять рублей или ты делаешь это для того, чтобы любимой девушке понравиться или уголить свое тщеславие? Когда актер начинает творить, он забывает о побуждающих причинах. Когда я работал над гимном, мне что, за это платили? Никому не платили. А мне хотелось, чтобы у страны был свой гимн. Поэтому я на Глинку написал двадцать четыре варианта, а потом на эту тяжелую, хотя и мощную, могучую музыку Александрова, которая отражала свое время, а не наше, еще четыре.

Удивительно, но те разочарования и обманы, через которые вы прошли, и в целом сложную жизнь, не привели к потере ранимости, доверчивости и оптимизма...

Не знаю, может быть, благодаря ленинградскому воспитанию бабушки и дедушки. Мама меня бросила, папа

Вверху: Илья Резник с супругой Ириной. Справа: любимицы поэта, дворняжки Соня и Миша, когда-то подобранные и выхоженные им, теперь превратились в настоящих красавиц

погиб во время войны. Поэтому я рос в нужде, но доброте. Мы вместе боролись с нашей бедностью, преодолевали все трудности. Помню, когда в девятнадцать лет я поехал на первые гастроли, это было в 1957 году, то привез оттуда прорезиненный коврик и халатик бабушке. А если в душе нет доброты, желания поделиться и видеть все светлое, то ты не сможешь писать сердечные песни, стихи, в том числе для детей. Несколько лет назад мы летели вместе с Андроном Кончаловским из Лос-Анджелеса и разговаривали о поэзии, о поэтах. И пришли к выводу, что есть «мозговые» поэты, как Александр Кушнер и Бродский. Они интеллектуалы, энциклопедисты. А есть другие, «сердечные», как Есенин. Я не умаляю их достоинств, но они мимо сердца проходят, я не принимаю в стихах математические выкладки, не люблю разгадывать кроссворды. Заявляют: «Бродский — великий поэт», но лично у меня от его стихов ничего не колышется в груди. Мне кажется, так принято говорить, модно. Но не будь у него такой судьбы,

этой высылки из страны, он был бы на уровне Сосноры, Кушнера и тому подобных «мозговых» питерских поэтов. То же самое касается наших эмигрантских певцов: все это эмигрантское ядро подогрело интерес к себе в течение десятилетий. Когда я был в пресловутом русском «Самоваре», Рома, хозяин ресторана, говорил мне: «Илья, посмотрите альбом. Вот здесь Иосиф ест, здесь пьет, а вот здесь он с девушкой...» На что я сказал: «А есть, где он еще в туалет зашел?» И это было еще при жизни Бродского.

Вы не боитесь так говорить, не в струю...

Нет, не боюсь, я и про Высоцкого говорю вопреки общепринятому мнению. Считаю, что Высоцкий был счастливым человеком, со счастливой судьбой. Никаким страдальцем или сверхгением он не был. Когда меня не выпускали три года в Болгарию, — это если просто пройтись по «птичкам» — он был в Париже, в Америке. Когда мы получали в театре 75 рублей, Володя работал на Таганке и имел по пять концертов в день. И ни в какой КГБ его не вызывали, и спокойно давали зарабатывать большие деньги. В кино я снимался в массовке. А у него были замечательные работы, он писал песни для фильмов. Я ездил на трамвае, а он — на «ситроене». Единственное, чего у него не было, — книжечки этого дурацкого Союза писателей. И у меня ее не было. А то, что он пил или не пил, — это его личное дело. Это не было вызовом: «Ой, какая жуткая, страшная страна, как мне плохо, поэтому я сейчас уйду в запой!» Чуть собачья! Он был счастливым человеком.

Да еще и получили женищину, которую хотел...

Кстати! Так что о чем говорить! Но он действительно большой поэт, большой мастер. Его песни можно читать как замечательные стихи — в отличие от текстов многих поэтов-песенников и бардов.

Недавно в одной из программ ведущие обсуждали с неким кинорежиссером то, что Галич был в сто раз талантливее. Но Высоцкий стал известнее, потому что он попсовее. Я замечательно отношусь к Галичу, мы с ним сидели в ВТО в Питере, и он мне пел «Спрашивайте, мальчики». Галич тоже талантливый человек, очень обаятельный, но это не та аура. Высоцкий — это все вместе. Как Алла. Это не только то, что он написал. Это харизма. Это явление. Он всеобъемлющий. Он и артист, и поэт, и музыкант, и певец, и ходок, и мужик. А смотреть по буквам, что он написал... А то, что все так закончилось... Он сам кузнец своего счастья и несчастья. У меня есть посвящение Высоцкому.

Неизвестно, как бы сложилась ваша поэтическая судьба, если бы вы остались в Питере. Переезд в Москву вы совершили только потому, что настоятельно советовала Алла, или сами чувствовали это интуитивно?

Да, по ее совету. Но я уже тоже понимал, что в Питере вообще невозможно ничего делать. Я был в черном списке. Сейчас даже пришли к выводу, что у нынешних ленинградцев комплекс неполноценности. У меня есть стихи «Поэт, рожденный в Ленинграде, законнорожденный москвич!». Москва мне все открыла начиная с 1981 года.

А материальный вопрос, насколько я понимаю, вас не сильно волнует...

Материальный вопрос волнует, потому что стараюсь помогать многим.

А для себя? Например, «сейчас я покупаю такую машину, потом — такую, потом — дом...»

Да нет... И потом, у нас все спонтанно, потому что то густо, то пусто. Да мне ничего и не надо. Мне достаточно того, чтобы мы могли спокойно помогать нашим родственникам, Ириным и моим, ну и самим более-менее нормально жить, а это значит прилично питаться, иметь возможность поехать куда-то отдохнуть.

И какой уровень отдыха должен быть у вас?

Вот на отдыхе мы не экономим. Если это Париж, то мы живем в гостинице «Ритц». Десять дней радости... Что ж я буду жить бог знает как и по дешевым кафешкам ходить?

По-моему, вы и одеться очень любите. Всегда элегантно...

Для меня очень важен внешний облик. Как одевались Пушкин, Байрон, Гумилев, Есенин и Блок... А когда поэт пахнет потом и перегаром, ходит в грязном свитере и считает себя непризнанным гением, мне это претит. Они не имеют права называться поэтами. Бедный тоже может быть элегантно. Я получал двадцать два рубля стипендии, и бабушка пенсию в двадцать девять рублей, но я никогда не позволял себе ходить в драных штанах и не чистить зубы. Это все отговорки. Или такая фронда, андеграунд — мол, мы истинные поэты. Давайте, почитаем!

А в чем выходят певцы на сцену? В мятых штанах, каких-то майках, причем даже на кинематографических церемониях. Я считаю, что это неуважение к публике, потому что зритель считает творца творцом. А творец — это элегантность, это красота, это хороший вкус.

«ТВОРЕЦ — ЭТО ЭЛЕГАНТНОСТЬ, КРАСОТА, ХОРОШИЙ ВКУС»

Вкус вам кто-то прививал, развивал или это врожденная черта?

Я родился в простой семье. Дедушка был сапожником, правда, они из Копенгагена приехали, но ничего ни от кутюр, ни прет-а-порте у нас не было (*улыбается*). Была сплошная бедность, как я говорил. Так что, я думаю, это врожденное.

А когда появился ваш белый костюм — фирменный знак Резника? И сами ли вы пришли к этому?

Лет десять тому назад. А пришел я к нему путем проб и ошибок. Понял наконец в чем лучше всего себя чувствую. Я дружу со священнослужителем, отцом Владимиром, и он мне как-то сказал: «Илья, это правильно, потому что вы светитесь изнутри, и этот цвет помогает вам, «белому» человеку, — вас так и воспринимают.

А один писатель и критик написал, что если представить песню как два крыла, то одно из них черное — это Высоцкий, а я — второе, белое!

Марина Зельцер